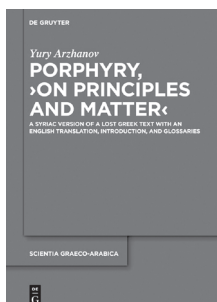

РЕЦЕНЗИИ

PORPHYRY. ON PRINCIPLES
AND MATTER: A SYRIAC VERSION
OF A LOST GREEK TEXT WITH
AN ENGLISH TRANSLATION,
INTRODUCTION,
AND GLOSSARIES /
ED. Y. ARZHANOV. BERLIN; BOSTON:
DE GRUYTER, 2021. VIII, 185 P.
(SCIENTIA GRAECO-ARABICA.
BD. 34).¹
ISBN 9783110745771

УДК 82-95 (1(091))
DOI: 10.31802/BCA.2022.16.4.009

Редчайшая удача — открытие философского памятника поздней античности, не сохранившегося в оригинале, но дошедшего в переводе на один из восточных языков². Примеры таких находок крайне немногочисленны. Можно вспомнить разве что сирийскую рукопись компендиума Николая Дамасского «Об Аристотеле», найденную в Кембридже в 1901 году и изданную в середине XX века³. По этой причине издание трактата Порфирия «О началах и материи» (трактат дошёл без титула,

- 1 Рецензия подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 20-011-41004 «Трактат Иоанна Филопона «О сотворении мира» в контексте ближневосточной сиро-палестинской и византийской богословской (христологической, антропологической, космологической) традиции».
- 2 Оставляем за скобками обширную традицию школьных (чаще всего анонимных) текстов на сирийском, арабском, армянском и др. языках, содержащих объяснение базовых понятий логики и философии, которые, возможно, восходят к античной традиции. Более или менее полная библиография: *Солопова М.А.* Античная философия и Восток: избранная библиография. Ч. I. Мир востока глазами античных философов; Ч. II. Классическая античная философия в зеркале сирийских и армянских переводов // Историко-философский ежегодник. 2017. № 2017. С. 249–275. Также речь не идёт о христианской философской традиции, в частности о текстах гностика Вардесана и круге его учеников.
- 3 *Nicolaus of Damascus.* On the philosophy of Aristotle: fragments of the first five books translated from the Syriac with an introduction and commentary / ed. H. J. Drossart Lulofs. Leiden, 1969. P. 5.

заголовок предложен редактором), подготовленное Юрием Аржановым, можно назвать вполне беспрецедентным.

В предисловии к книге издатель так формулирует то, в чём заключается ценность публикации: «Сирийский трактат, опубликованный в этом томе, является во многих отношениях уникальным текстом... Он расширяет наши знания о взглядах знаменитого ученика Плотина. Этот текст является важным свидетельством о платонических дискуссиях относительно первых начал и платоновской концепции первичной материи в “Тимее”. Он содержит обширные цитаты из Аттика, Севера и Бозта и тем самым предоставляет нам новые текстовые свидетельства об этих философах, чьё наследие сохранилось крайне фрагментарно. Кроме того, трактат является редким примером платонического произведения, сохранившегося на сирийском языке. Сирийское восприятие Платона и платоновских учений оставило довольно скудные следы, и вопрос о том, что именно сирийские христиане знали о Платоне и его философии, остаётся дискуссионным. В трактате приводятся новые свидетельства близкого знакомства сирийских учёных с космологией Платона и философскими комментариями к “Тимею»» (р. VII). В этой рецензии я покажу, как издатель раскрывает тезисы, заявленные в предисловии, а также предложу некоторые собственные соображения.

Издание состоит из трёх частей: (1) вводной части, посвящённой сирийскому тексту и его истории, а также содержанию и обстоятельствам написания трактата, (2) из критического издания сирийского текста с параллельным английским переводом и (3) справочного аппарата. Ю. Аржанов оговаривается, что целью издания является прежде всего публикация сирийского текста и что подготовка всеобъемлющего комментария не предполагалась. Надо, однако, сказать, что издание решает более концептуальную задачу — написать «краткую биографию» текста: от источников трактата до обнаружения и публикации сирийской рукописи в XX–XXI веках.

Первая часть введения рассказывает об истории текста. Издатель описывает (р. 5–11) единственную рукопись трактата, сохранившегося в составе рукописного компендиума, который был создан в конце IX века в монастыре Мар-Маттай (ms. DS 27), — она и легла в основу настоящего издания. Исследователь при этом показывает цельность и структурированность текста, дошедшего в составе компендиума. Ю. Аржанов демонстрирует (р. 3–5), что именно текст Порфирия упоминается в письме католикоса-патриарха Церкви Востока Тимофея I к Мар

Петиюну, главе школы монастыря Мар-Авраам в Башоше, близ Мосула. Это послание известно исследователям с 1902 года, оно пересказывается в трактате Бар-Эбрея «Светильники святилища» (XIII век). По мнению Ю. Аржанова, Тимофей I был знаком с ранней копией текста Порфирия, хранившейся в монастыре Мар-Маттай, на что указывает отсутствие разбивки в тексте IX века (патриарх-католикос пишет, что трактат состоит из шести глав). Издатель также приводит ряд аргументов в пользу того, что и Бар-Эбрей имел в распоряжении рукопись, бывшую непосредственным источником для DS 27 (р. 10–14).

Ю. Аржанов уделяет много места периодизации ранней истории сирийской науки (р. 14–25), чтобы показать широкий контекст, в котором был подготовлен перевод трактата Порфирия. По мнению исследователя, если для раннего периода сирийской науки (точнее интеллектуальной истории) было характерно отсутствие интереса к античной философии и науке, то с VI в. возникают научные школы, нарастает влияние эллинской мудрости, прежде всего школы Аммония Александрийского. Именно эта школа становится источником доксографии для сирийских компендиумов. И именно для неё характерно сочетание логических и натурфилософских интересов. Таким образом, вполне закономерно, что именно в этот период (VI–IX вв.) в сироязычной научно-философской среде оказался востребован Порфирий — учёный, который был авторитетом и в логике, и в науке о природе. Ю. Аржанов указывает на пример Сергия Решайнского, в сочинениях которого обнаруживаются некоторые параллели с трактатом Порфирия, что объясняется зависимостью школы Аммония, где проходил обучение Сергей, от традиции ученика Плотина. Уже для Сергия характерен интерес к систематизации наук, к космологии, к учению об идеях — ко всему тому, что сирийская мудрость заимствовала у школы Аммония и тому, благодаря чему оказался востребован трактат Порфирия.

Ю. Аржанов ставит задачу определить время и место перевода и даже назвать имя предполагаемого переводчика (р. 26–37). По его мнению, перевод осуществлён в монастыре Кеннешре, известнейшем западно-сирийском образовательном и переводческом центре VI–IX вв. Более точно датировать трактат позволяет философская терминология трактата. Исследователь подчёркивает, что для ранних переводов Каннешре в большей степени характерно калькирование и транскрибирование греческой терминологии, в то время как переводы Севира Себохта (ум. 666/667 гг.) и его последователей Афанасия Баладского (ум. 687 г.), Иакова Эдесского (ум. 708 г.) и Георгия Аравийского (ум. 724 г.)

содержат оригинальную сирийскую терминологию. Ю. Аржанов, анализируя терминологию трактата, приходит к выводу, что она ближе к традиции Севира Себохта, но не вполне соответствует тому, что содержится в переводах Иакова и Георгия. Следовательно, полагает исследователь, наиболее вероятным автором перевода является сам Севир Себохт. Помимо терминологической близости сочинений Севира к переводу Порфирия, на это указывает и содержание компендиума IX века, который, как полагает Ю. Аржанов, является плодом педагогической и научной деятельности Севира, оригинальные работы которого посвящены в основном аристотелевской логике и естественным наукам. И это в полной мере соответствует тематике компендиума, сосредоточенного по большей части на вопросах логики и натурфилософии. Ценность «О началах и материи» для сирийской науки VII в. заключается в том, что его «можно было бы легко интегрировать в изучение логики» (р. 34).

Близость терминологии и тематики оригинальных сочинений Севира Себохта к тексту «О началах и материи» сама по себе является достаточным для доказательства авторства перевода. Однако Ю. Аржанов стремится обосновать и заинтересованность Севира в платоническом содержании трактата, достаточно необычном и для сирийской (монофизитской), и для византийской традиций данного периода, обращающихся преимущественно к Аристотелю⁴ (причём увлечённость монофизитов Аристотелем вызывала даже некоторое раздражение в греческой халкидонитской среде⁵). В этой части аргументация исследователя не очень убедительна: наличие специального интереса к идеям Платона основывается на единственном упоминании (даже не цитате) платоновского диалога «Тимей» (р. 36–37). Сам Ю. Аржанов в своей замечательной статье о «сирийском Платоне» даёт, кажется, исчерпывающий обзор имеющихся в сирийской литературе

4 Watt J. W. The Syriac Aristotle between Alexandria and Baghdad // *Journal of Late Ancient Religion and Culture*. 2013. № 7. P. 26–50; King D. Logic in the Service of Ancient Eastern Christianity: An Exploration of Motives // *Archiv für Geschichte der Philosophie*. 2015. № 97. P. 1–33.

5 См. об этом: Щукин Т. А. Апостол Павел против Аристотеля: полемика с античной философской традицией в «Путеводителе» Анастасия Синаита // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2020. № 90. С. 9–27; Щукин Т. А. Анастасий Синаит и александрийская школа комментаторов Аристотеля // *Гуманитаристика как школа мысли: сборник научных трудов*. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. 2020. С. 180–189.

отсылок к сочинениям основателя академии. Этот обзор свидетельствует об отсутствии, особенно в VII веке, сколь-либо значимых данных об интересе к Платону (или платоникам), тем более к его космологическим идеям⁶.

Я бы, однако, обратил внимание на то, что сирийским учёным были известны сочинения Иоанна Филопона, в круг интересов которого входила космология и который решал космологические вопросы, прибегая к авторитету Платона. На сирийском, как известно, до нас дошли лишь богословские сочинения александрийского мыслителя, однако знакомство сирийской традиции с философскими трактатами Иоанна Филопона не вызывает сомнения. Так, в IX веке выдающийся сирийский энциклопедист Моисей Бар Кефа написал трактат о сотворении ангелов. В число авторов, на которых он ссылается, входят: прп. Ефрем Сирин, свт. Василий Великий, свт. Григорий Назианзин, свт. Иоанн Златоуст, Север Антиохийский, прп. Дионисий Ареопагит, свт. Мефодий Патарский, свт. Евстафий Антиохийский, свт. Григорий Нисский, свт. Епифаний Кипрский, блж. Феодорит Кирский, свт. Кирилл Александрийский и Иоанн Филопон⁷. Последний излагает учение о сотворении духовных существ в первой книге «О сотворении мира»⁸. В этом трактате он неоднократно ссылается и на космологические идеи Платона, а также других античных мыслителей. Также и Моисей Бар Кефа неоднократно цитирует Иоанна Филопона и Платона в трактате «О разумной душе»⁹. Вне зависимости от того, работал ли сирийский учёный IX в. с переводами космологических трактатов Иоанна Филопона на сирийский (а это значит, что к его времени такие переводы существовали) или с греческими оригиналами, эти трактаты были в его распоряжении, то есть бытовали в сирийской научной традиции.

Не существует исследований, отвечающих на «простой» вопрос: когда и кем были переведены богословские работы Иоанна Филопона, однако с большой долей вероятности можно сказать, что это произошло довольно рано, в конце VI – пер. пол. VII в., то есть тогда, когда богословие александрийского мыслителя было актуально, являлось предметом богословских споров и церковно-политических разногласий.

6 Arzhanov Y. Plato in Syriac Literature // Le Muséon. 2019. Vol. 132. P. 1–36.

7 Barsoum I. A. I. The Scattered Pearls: A History of Syriac Literature and Sciences. New Jersey, 2003. P. 400.

8 Johannes Philoponos. De opificio mundi. Über die Erschaffung der Welt. Bd. 1–3 / ed. C. Scholten. Freiburg; Basel; Wien; Barcelona; Rom; New York, 1997.

9 Barsoum I. A. I. The Scattered Pearls. P. 401.

В частности, именно оно спровоцировало разрыв между Александрией и Антиохией в 588–616 гг. и эпохальную дискуссию Дамиана Александрийского и Петра Каллиникского. Отголоски внутримонофизитского спора были слышны и в халкидонитской среде¹⁰. Проще говоря, дискуссии вокруг наследия Иоанна Филопона пришлись на время активной деятельности Севира Себохта. Сложно представить, что он никак не соприкасался с его сочинениями, в том числе космологического содержания. Возможно, именно они спровоцировали Севира «расширить кругозор», обратившись к текстам той традиции, на которую опирался Иоанн Филопон. Это, впрочем, лишь предположения, которые никоим образом не ставят под сомнение выводы Ю. Аржанова.

Но вернёмся к изданию. Второй раздел введения посвящён структуре трактата (р. 38–41). Издатель вкратце останавливается на обосновании разбивки трактата на шесть частей — на доксографический раздел и пять глав, посвящённых основным причинам. Ю. Аржанов указывает, что именно такую структуру приводит в своём письме католикос Тимофей, однако она легко считывается в самой организации текста, в частности за счёт вводных и финальных ремарок Порфирия, обозначающих начало и конец условной главы. Далее следует разбор трактата, особенно ценный удачными попытками издателя нащупать историко-философский контекст определённых разделов трактата.

В частности, рассуждая о доксографической части (р. 41–46), Ю. Аржанов отмечает, что Порфирий, вероятно, пользовался тем же источником, что Секст Эмпирик, автор «Опровержения всех ересей», приписываемого мч. Ипполиту Римскому, а также автор эпитомы трактата Галена «Об элементах согласно Гиппократу», сохранившейся в позднем арабском переводе. Тут нужно отметить, что важнейшим источником для Порфирия, несомненно, был Аристотель, который вообще является родоначальником доксографической традиции и «общим источником» для слишком большого круга авторов.

Издатель также обращает внимание на то, что Порфирий и в христианской, и в языческой среде воспринимался как источник доксографических данных, в частности таковым его воспринимал Феодорит Кирский. Именно как доксографа воспринимает Порфирия и Симпликий. Добавлю, что оппонент Симпликия Иоанн Филопон также ссылается на Порфирия как на доксографический источник, приводя мнение

10 См. например: *Leontius. De sectis* // PG. 86.1. Col. 1232D – 1233B.

Ксенофана о земле и воде как первопринципах¹¹ (в трактате «О началах и материи» принцип, по Ксенофану, является единым и неподвижным (§8; Р. 86–87)).

Вторая подглавка трактата (или первая подглавка второй части) (р. 47–51) посвящена методологии трактата, которая, если вкратце, заключается в применении аристотелевской силлогистики к платоновской онтологии. Ю. Аржанов указывает на ключевые источники данного раздела — «Вторую аналитику» Аристотеля и вводную часть к его же «Физике». По мнению издателя, подобный синтетический подход является специфической чертой неоплатонизма и нехарактерен для средних платоников. В данном случае Ю. Аржанов несколько противоречит сам себе, во-первых указывая на то, что впервые подобный подход применяется в «Учебнике платоновской философии» платоника Алкиноя (II в.), а во-вторых упоминая трактат платоника Аттика «Против тех, кто толкует Платона через Аристотеля». Надо сказать, что и текст Алкиноя, школьный компендиум, явно отражающий мощную тенденцию в платонизме, и трактат Аттика, реагирующий на эту тенденцию, являются симптомами того, что соединять Платона и Аристотеля философы стремились задолго до Плотина и Порфирия. Вероятно, исследователю следовало бы уточнить, чем философский эклектизм среднего платонизма отличается от синтетической методологии неоплатоников.

Следующая глава (р. 51–56) посвящена определениям первых принципов и материи в полемике с натурфилософией, а также стоиками. Автор подчёркивает, что онтология, предметная область работы Порфирия, соответствует стандартной среднеплатонической модели, для которой характерен дуализм единого и материи. Ценной, с точки зрения истории философии, является четвёртая глава (р. 56–65), посвящённая интерпретациям платоновского «Тимея», главного космологического сочинения античности, в среднем платонизме, а именно в сочинениях Аттика, Севера, Лонгина и Боэта. Ю. Аржанов отмечает, что обширные выдержки из Аттика, автора, предлагавшего учение о конечности мира, а потому близкого христианам, вполне могли стать причиной того, что трактат сохранялся «до времени, когда он стал известен сирийским эллинофилам в монастыре Кеннеше» (р. 61).

11 *Ioannis Philoponi in Aristotelis physicorum libros octo commentaria*. Vol. 1 / ed. H. Vitelli. Berlin, 1887. P. 125, 26–28. (Commentaria in Aristotelem Graeca; vol. 16).

Наконец, последний раздел предисловия обсуждает фигуры Порфирия как автора трактата (р. 65–78). Приводится ключевое доказательство авторства — философ называет себя учеником Плотина и Порфирия. Много внимания уделяется возможному названию трактата: исследователь приходит к выводу, что утраченные трактаты Порфирия «О началах» и «О материи», содержание которых нам известно из сочинений позднейших авторов, невозможно отождествить с сочинением, дошедшем на сирийском языке. Наконец, Ю. Аржанов даёт убедительную сводку параллелей между сирийским трактатом и другими сочинениями Порфирия. Вводная часть завершается замечательной сводкой по реконструируемой истории трактата — от его составления Порфирием до детального описания в 2014 году сирийской рукописи С. Броком и Л. Ван Ромпеем (р. 79–80).

Справочная часть издания вызывает вопросы. С одной стороны, трактат снабжён полезными для филологов и переводчиков сирийскими и греческими глоссариями с указанием мест в сочинениях Порфирия, где он использует аналогичные термины. С другой стороны, к сожалению, в указателе к тексту трактата указывается очень мало параллельных мест. Издатель ограничивается лишь ссылками на Платона и одной ссылкой на Гомера, а ведь именно список таких мест мог бы продемонстрировать нам верность тезиса Ю. Аржанова о том, что доксографическая часть трактата не даёт нам новых сведений о цитируемых философах, в то время как заключительная часть предлагает уникальные сведения об авторах среднего платонизма. Приведу пример, относящийся к первой части сочинения Порфирия:

Однако те, кто издревле занимался исследованиями природы, говорили об этом принципе, относительно его вида и количества, по-разному. Но Фалес, который был изначальным изобретателем этой философии, сказал, что вода была первым принципом, из которого всё возникло, поскольку он видел, что влага даёт питание всему и что тепло также возникает из неё. Тем самым, поскольку всё, что возникает, происходит от него, она является первым принципом всего сущего.

Мне кажется, то же самое имели в виду и некоторые поэты, которые говорили о богах. Ибо они называли Океан, то есть море, и Тефиду, то есть влагу, «родителями всего сущего» и говорили, что из всех богов воду следует чтить в первую очередь. Таким образом, это первое учение о материальном принципе. Как мы уже говорили, его автором был Фалес (§5–6; Р. 84–87).

ный отрывок не требует обязательного комментария — это не входит в оговоренные в предисловии цели издания. Однако простая ссылка на Аристотеля могла бы упростить задачу будущим исследователям.

Источники

- Aristotle's metaphysics*: 2 vols. / ed. W.D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1924.
- Ioannis Philoponi in Aristotelis physicorum libros octo commentaria*. Vol. 1 / ed. H. Vitelli. Berlin: Reimer, 1887. (Commentaria in Aristotelem Graeca; vol. 16).
- Johannes Philoponos. De opificio mundi. Über die Erschaffung der Welt*. Bd. 1–3 / ed. C. Scholten. Freiburg; Basel; Wien; Barcelona; Rom; New York: Herder, 1997.
- Leontius. De sectis* // PG. T. 86,1. Col. 1193 A — 1268.
- Nicolaus of Damascus. On the philosophy of Aristotle: fragments of the first five books translated from the Syriac with an introduction and commentary* / ed. H. J. Drossart Lulofs. Leiden: Brill, 1969.
- Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1: От этических теокосмогоний до возникновения атомистики / под ред. А. В. Лебедева. Москва: Наука, 1989.

Литература

- Солопова М. А. Античная философия и восток: избранная библиография. Ч. I. Мир востока глазами античных философов; Ч. II. Классическая античная философия в зеркале сирийских и армянских переводов // Историко-философский ежегодник. 2017. № 2017. С. 249–275.
- Щукин Т. А. Анастасий Синаит и александрийская школа комментаторов Аристотеля // Гуманитаристика как школа мысли: сборник научных трудов Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2020. С. 180–189.
- Щукин Т. А. Апостол Павел против Аристотеля: полемика с античной философской традицией в «Путеводителе» Анастасия Синаита // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2020. № 90. С. 9–27.
- Arzhanov Y. Plato in Syriac Literature // Le Muséon. 2019. Vol. 132. P. 1–36.
- Barsoum I. A. I. *The Scattered Pearls: A History of Syriac Literature and Sciences*. New Jersey: Gorgias Press, 2003.
- King D. Logic in the Service of Ancient Eastern Christianity: An Exploration of Motives // Archiv für Geschichte der Philosophie. 2015. № 97. P. 1–33.
- Watt J. W. The Syriac Aristotle between Alexandria and Baghdad // Journal of Late Ancient Religion and Culture. 2013. № 7. P. 26–50.

Тимур Щукин